

An artistic illustration of a man and a woman in a gothic cathedral. The woman, on the left, has long blonde hair in a high ponytail and is wearing a dark, form-fitting dress. The man, on the right, has dark hair with small devil horns and is wearing a long, dark coat. They are standing close together, looking at each other, with the man holding a thin red string. The background features large arched windows with warm, golden light streaming in, creating a romantic and dramatic atmosphere. The floor is made of large stone tiles.

Наталья Бондаренко

**847-ой брак или Невеста по
инструкции**

Наталья Бондаренко

**847-ой брак или
Невеста по инструкции**

«Автор»

2026

Бондаренко Н.

847-ой брак или Невеста по инструкции / Н. Бондаренко —
«Автор», 2026

847 удачных браков за плечами — и ни одного собственного. Элара знает: идеальная пара существует для всех, кроме, кажется, неё самой. Потом дверь её кабинета слетает с петель, и на пороге оказывается двухтысячелетний Тёмный Лорд Преисподней с мешком золота и ультиматумом: жена — за три месяца, или город превратится в пепел. Кандидатки падают в обморок при виде рогов. Букеты вспыхивают в его руках. На «зловещий комплимент» он получает крик и убегающую невесту. А потом Малахай методично, по пунктам её же профессионального списка, доказывает Эларе, что идеальная кандидатка всё это время была она сама. Она обустроивала чужое счастье двадцать лет, чтобы не рисковать собственным. Он две тысячи лет учился властвовать — и ни дня не учился, как быть выбранным, а не бояться. Когда за дело берётся сваха, которая сама не умеет сдаваться, и клиент, который не умеет врать даже ради спасения трона, брак по расчёту рискует стать чем-то, чего не было в контракте. У них есть три месяца.

© Бондаренко Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Наталья Бондаренко

847-ой брак или Невеста по инструкции

Глава 1

Жених пытается вылезти в окно.

Это не метафора — он в буквальном смысле уже наполовину высунулся наружу, зацепившись фалдой сюртука за шпингалет, и я единственная в кабинете, кто спокоен настолько, чтобы это заметить.

— Виктор. — Я не повышаю голос. Повышать голос — для тех, кто не умеет добиваться результата тишиной. — Слезьте с подоконника. У нас ещё осталось пятнадцать минут по контракту.

— Она сказала, что я похож на её отца!

— Она сказала, что вы напомнили ей отца тем, как заботливо выбираете вино к ужину. — Я перелистываю страницу в папке. Восемьсот сорок седьмая по счёту, если быть точной, а я люблю быть точной. — Это комплимент, Виктор. Комплимент, который вы сейчас героически пытаетесь испортить побегом через окно на третьем этаже.

Невеста — Аглая, двадцать шесть лет, разводит хозяйство трав на продажу, единственная в списке кандидаток, чья Нить у меня в ладонях отозвалась настоящим теплом, а не вежливой имитацией — сидит в кресле напротив и с интересом наблюдает, слезет он или нет. У неё лицо человека, который уже смирился с тем, что жизнь состоит из подобных сцен, и находит в этом определённое веселье.

— Он всегда так, когда нервничает, — говорит она мне доверительно, будто Виктора нет в комнате. — В прошлый раз пытался сбежать через кухню чужого ресторана. Официанты решили, что он ворует приборы.

— Замечательно. — Я делаю пометку в блокноте. Пометка гласит: склонность к бегству от близости, физически буквальная. Восемьсот сорок семь браков — и я всё ещё нахожу способы удивляться формам, которые принимает человеческий страх. — Виктор, слезьте, пожалуйста. Дверь ближе и, что немаловажно, не заканчивается падением на брусчатку.

Он слезает. Не потому что убеждён — потому что окно оказывается неожиданно узким для человека его комплекции, и достоинство в итоге побеждает панику. Плюхается обратно в кресло, красный, с веткой чужого фикуса в петлице, которую подцепил по пути.

— Простите, — говорит он. — Я просто. Восемь лет один. Отвык, что кто-то может выбрать меня без причины.

Аглая наклоняется через подлокотник и берёт его за руку. Просто берёт, без слов. Он смотрит на её пальцы так, будто она вручила ему что-то более ценное, чем контракт, который они оба сейчас подписывают.

Вот ради этого я и делаю эту работу. Не ради узелка на браслете — хотя узелок тоже будет, восемьсот сорок восьмой, и я завяжу его сегодня вечером с обычным чувством тихой законченной гордости. Ради вот этого конкретного момента, когда два человека перестают притворяться, что им друг от друга ничего не нужно.

Тильда просовывает голову в дверь ровно в тот момент, когда Виктор наконец выпускает фикус из петлицы.

— Госпожа Элара, к вам... — Она замолкает. Смотрит куда-то за мою спину, в коридор. — К вам гость. Довольно... настойчивый.

— У меня приём до семи. Пусть подождёт или запишется на завтра.

— Я не думаю, что он умеет ждать, — говорит Тильда странным голосом, и в этот момент дверь моего кабинета перестаёт быть дверью.

Я хочу сказать, что она открывается. Это было бы неправдой. Дверь — крепкая, дубовая, с медной табличкой «Мастер-сваха Элара, Королевская Гильдия» — слетает с петель целиком, вместе с частью косяка, и с грохотом падает внутрь кабинета, подняв облако щепок и пыли, которое на секунду делает всё помещение похожим на поле боя после проигранной битвы.

Аглая вскрикивает. Виктор ныряет обратно к окну — старые привычки умирают медленно.

Ну офигеть. Именно то, что нужно моей репутации спокойного профессионала.

В проёме, там, где секунду назад была дверь, стоит существо, при виде которого хочется одновременно упасть в обморок и попросить его подписать что-нибудь на память — просто чтобы потом было чем объяснить произошедшее коллегам по Гильдии.

Он высокий — настолько, что задевает верх дверного проёма даже сейчас, стоя чуть пригнувшись. Рога изгибаются назад от лба, тёмные, гладкие, как отполированный камень. За спиной у него сложены крылья — кожистые, тяжёлые, они то и дело чуть подрагивают, будто существу физически неудобно держать их сложенными в помещении такого скромного размера. Вокруг плеч курится тонкий дым, серо-фиолетовый, стелется по полу низко, как туман над рекой на рассвете, и от него в комнате внезапно становится на несколько градусов холоднее.

Так, а вот теперь дыши, Элара. Дыши.

— Мне нужна жена, — говорит он.

Голос у него ровный. Не рычащий, не зловещий — просто очень, очень уверенный, будто он сообщает результат давно решённого уравнения, а не открывает переговоры.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня — точнее, чуть выше и правее меня, туда, где на стене висит вывеска Гильдии с моим полным именем и списком регалий, будто сверяется с адресом.

— Простите, — говорю я после паузы, за время которой Аглая успевает встать и деликатно, но решительно попятиться к запасному выходу, увлекая за собой Виктора, — у меня приём. Запишитесь у моей ассистентки.

— У меня три месяца.

— Тогда тем более торопиться некуда. — Я закрываю папку с делом Виктора и Аглаи, аккуратно, хотя пальцы у меня подрагивают ровно настолько, чтобы я это заметила и мысленно на себя разозлилась. — Три месяца — это не завтра.

— Три месяца до моего двухтысячелетия. — Он делает шаг внутрь кабинета, и половицы под ним издают короткий протестующий скрип, будто сами не уверены, готовы ли выдержать. — После этого, если у меня не будет законной жены, я теряю трон в пользу младшего брата. Мне сказали, вы лучшая сваха в Валлории. Восемьсот сорок семь удачных браков.

— Восемьсот сорок семь, — соглашаюсь я, потому что спорить с точной цифрой было бы непрофессионально, даже когда её произносит существо, только что снёсшее мою дверь. — Откуда вы знаете число?

— Я навёл справки. — Он смотрит на меня с той же ровной уверенностью, с какой смотрел на вывеску. — Это плохо, что я навёл справки?

— Это... — Я делаю паузу, подбирая слово, которое не прозвучит как комплимент и не прозвучит как оскорбление, потому что я всё ещё не понимаю, во что вляпалась, а осторожность в такие моменты дороже красноречия. — Необычно. Обычно клиенты приходят сами, без предварительного расследования моей статистики.

— Я не обычный клиент.

Ну куда уж там. Даже дверь моя теперь не обычная дверь, а обломки на полу.

— Вижу. — Я обхожу стол, останавливаюсь на безопасном расстоянии — метра три, я специально отмеряю их шагами, пока говорю, — и складываю руки на груди в жесте, который

у меня всегда работает с нервными клиентами: спокойствие как заразная болезнь. — Меня зовут Элара. С кем имею честь?

— Малахай. — Короткая пауза, будто он взвешивает, стоит ли добавлять остальное. Добавляет: — Тёмный Лорд Преисподней.

— Приятно познакомиться, ваша светлость. — Я слышу собственный голос со стороны и с некоторым уважением отмечаю, что он звучит почти нормально. Почти. — Обычно я работаю с клиентами по записи. Обычно мои клиенты не разрушают входные группы моего офиса. Обычно я не разговариваю с людьми, у которых за спиной крылья и которые дымятся, простите за прямоту, буквально.

— Это аура. — Он произносит это без тени смущения, как факт о погоде. — Она не всегда мне подчиняется. Особенно когда я взволнован.

— Вы взволнованы?

— Разумеется. — Он смотрит на меня так, будто вопрос был очевидно риторическим. — У меня три месяца, чтобы найти жену, иначе моя страна потеряет стабильность на неопределённый срок, а вы спрашиваете меня о моих чувствах вместо того, чтобы взять контракт.

Логика железная. Мне решительно нечего на это ответить, кроме того, что впервые за десять лет практики клиент угрожает мне государственной катастрофой в качестве вступительной реплики.

— Хорошо. — Я иду за новым бланком контракта — тем самым, который я держу в верхнем ящике на случай, если предыдущий испорчен чернилами или, как выясняется сегодня, если предыдущий разговор происходит на фоне обломков двери. — Давайте по порядку. Расскажите мне о требованиях к невесте. Возраст, происхождение, приоритеты в характере.

Он достаёт из-под плаща свиток. Не письмо — именно свиток, перевязанный тёмной лентой, длиной сантиметров сорок, и разворачивает его на моём столе с сосредоточенностью человека, разворачивающего карту сражения.

— Она должна быть умна, — начинает он. — Не бояться крови. Уметь готовить, но не простую еду — что-то с изыском. Не должна быть слишком религиозной. Должна любить кошек.

Приехали. Я записываю первые два пункта, останавливаюсь на «изысканной еде», записываю и его, останавливаюсь на кошках.

— Кошек, — повторяю я вслух, потому что мне нужна секунда, чтобы поверить собственным ушам.

— Да. У меня их пятнадцать. Ещё в замке.

— У Тёмного Лорда Преисподней пятнадцать кошек.

— Шестнадцать, если считать ту, что живёт в библиотеке и формально мне не принадлежит, но ведёт себя так, будто это я ей принадлежу.

Я смотрю на него долгую секунду. Он смотрит на меня в ответ с абсолютно серьёзным лицом человека, только что сообщившего важную стратегическую информацию, а не бытовую деталь, от которой у меня внутри что-то предательски теплеет вопреки всякому здравому смыслу.

Так. Спокойно. Он рогатый, он снёс дверь, у него шестнадцать кошек и катастрофический дефицит социальных навыков. Ничего умильного в этом нет. Абсолютно ничего.

— Хорошо, — говорю я вслух, вопреки внутреннему голосу, который явно думает иначе. — Список у меня есть. Теперь к практической части. Как вы себе это представляете? Смотрины? Личное знакомство? У меня есть картотека...

— У меня есть условие, — перебивает он, и впервые за разговор в его голосе появляется что-то похожее на неловкость — крошечная трещина в ровной уверенности, которую он тут же старается заделать, повышая формальность тона. — Условие оплаты.

— Слушаю.

Он кладёт на стол мешок. Не маленький — увесистый, с глухим стуком металла о дерево, от которого папки на краю стола подпрыгивают. Развязывает верёвку одним движением когтя. Золото — настоящее, судя по тусклому тяжёлому блеску, старой чеканки, такое не подделаешь простым заклинанием иллюзии.

— Этого хватит, чтобы купить полгерцогства, — говорит он буднично, будто озвучивает прогноз погоды. — Половина сейчас. Половина — если через три месяца у меня будет жена.

Я смотрю на золото. Потом на него. Потом снова на золото — потому что мозгу требуется время, чтобы обработать сумму, лежащую передо мной на столе рядом с чашкой остывшего чая.

— А если не будет?

— Тогда, полагаю, — говорит он с той же будничной интонацией, — Валлория узнает, что значит жить рядом с Преисподней без укоренённого правителя на троне. Печать Равновесия держится на брачном статусе Лорда. Без него граница миров начинает крошиться. Не сразу. Но неотвратимо.

— Вы мне угрожаете?

— Я вам объясняю ставки. — Он слегка склоняет голову, и на секунду в его лице проступает что-то похожее на усталость — не ярость, не злодейство, просто вес прожитых двух тысяч лет, о которых он сейчас, кажется, впервые за разговор вспоминает вслух. — Разница есть, госпожа Элара, хотя я понимаю, почему со стороны она не всегда очевидна.

Я молчу. Мне нужна секунда, чтобы уложить в голове то, что весь этот разговор — не эксцентричный заказ богатого чудака, а буквально вопрос государственной безопасности, свалившийся мне на стол вместе с мешком золота и оторванной дверью.

— Позвольте, я откажусь, — говорю я наконец, максимально ровным голосом, каким пользуюсь для сложных переговоров с упрямыми родителями невест. — При всём уважении к вашей ситуации, ваша светлость, я не работаю по угрозам. У меня контракт с Гильдией, у меня репутация, и мне нужно закончить приём с двумя другими клиентами, которых вы, к слову, только что выгнали через запасной выход.

— Вы отказываетесь.

— Вежливо. Но да.

Он не уходит. Не спорит и не давит — просто стоит, глядя на меня с тем же спокойным вниманием, каким разглядывал вывеску на входе, будто пытается разобрать в моих словах закономерность, которую пока не может подобрать.

— Хорошо, — говорит он наконец. — Тогда позвольте задать один вопрос, прежде чем я уйду искать другого специалиста.

— Задавайте.

— Если я скажу «нет» на вашем месте, что я скажу правдой, а что — страхом?

Вопрос застаёт меня врасплах настолько, что я не сразу нахожу, что ответить. Это не то, что говорят, пытаюсь надавить. Это то, что говорят, пытаюсь честно понять другого человека — а этого я, по правде говоря, не ожидала услышать от существа, чья визитная карточка — сорванная с петель дверь.

— Правда, — говорю я медленно, взвешивая каждое слово, — в том, что это выглядит как безумная авантюра с непредсказуемым результатом и непонятым клиентом. Страх... — Я делаю паузу. — Страх в том, что вы только что упомянули катастрофу государственного масштаба как побочный эффект моего отказа, и часть меня теперь боится, что если я скажу «нет», а вы всё-таки не найдёте другого специалиста вовремя, виновата в этом окажусь я.

Он кивает медленно, будто действительно обдумывает мой ответ, а не просто ждёт своей очереди говорить.

— Справедливо, — говорит он. — Тогда я не буду давить страхом. Только правдой: мне действительно нужна помощь, и мне сказали, что вы лучшая. Остальное — решать вам.

И вот это, пожалуй, работает сильнее, чем весь мешок золота на столе. Потому что за десять лет практики я привыкла к клиентам, которые манипулируют, льстят, угрожают адвокатами или связями при дворе. Ни один из них никогда не говорил мне прямо: решать вам.

Так, а вот теперь — что.

— Дайте мне подумать до утра, — говорю я, и сама слышу, как в голосе прорезается что-то, чего минуту назад там не было — не согласие ещё, но уже не твёрдое «нет».

— У меня есть три месяца, — говорит он серьёзно, — я могу выделить из них одну ночь.

Он забирает свиток со стола, оставляет золото — я замечаю это только когда он уже разворачивается к выходу, к дыре, где раньше была дверь.

— Ваша светлость. — Я останавливаю его, сама не до конца понимая зачем. — Дверь.

Он оборачивается. Смотрит на обломки на полу с таким видом, будто впервые их заметил.

— Я пришлю мастера, — говорит он. — Или заплачу за новую. Что предпочтительнее?

— Новую дверь, — говорю я. — Желательно такую, которая не открывается снаружи одним касанием.

— Разумно. — Он на мгновение выглядит почти смущённым — насколько существо его комплекции вообще способно выглядеть смущённым, — и от этого контраст между ним пугающим и им неловким становится настолько внезапным, что я почти забываю дышать. — Доброго вечера, госпожа Элара.

Он уходит — не через дверной проём, а буквально сквозь стену дыма, который вдруг густеет вокруг него, и когда я моргаю, в коридоре уже никого нет, только лёгкий запах гари и озона, медленно оседающий на моих папках.

Тильда высовывается из-за угла коридора с таким лицом, будто провела последние десять минут, прижавшись ухом к тому месту, где раньше была дверь — что, вероятно, чистая правда.

— Так. — Она входит в кабинет, аккуратно переступая через обломки, и садится на край стола рядом с мешком золота, разглядывая его с нескрываемым восторгом. — Расскажи мне всё. Сейчас же. Во-первых: он правда женат не будет — и всё, город в труху? Во-вторых: у него правда шестнадцать кошек? Это какое-то запредельное количество кошек для мужчины его габаритов.

— Тильда.

— В-третьих, — продолжает она, не слушая, — ты покраснела? Мне кажется, ты покраснела. У Тёмного Лорда Преисподней. С рогами. Который снёс нашу дверь.

— Я не покраснела.

— Ты определённо покраснела.

Я смотрю на мешок золота, лежащий посреди моего разгромленного кабинета, потом на свою руку — ту самую, которая едва заметно, необъяснимо, всё ещё хранит слабое тепло от того момента, когда наши пальцы случайно соприкоснулись, когда он забирал свиток со стола.

— Приехали, — говорю я вслух, ни к кому конкретно.

Восемьсот сорок восьмой узелок сегодня явно придётся отложить.

Глава 2

К утру дверь так и не появляется — вместо неё Тильда сколачивает из двух досок и старой ширмы нечто, что при определённой доле оптимизма можно назвать временной преградой от сквозняка. Я смотрю на это сооружение ровно три секунды, решаю, что переживу, и сажусь за стол, где меня дожидается мешок золота, за ночь никуда не испарившийся, вопреки тайной надежде, что всё случившееся вчера мне почудилось от переутомления.

Не почудилось. Золото по-прежнему тяжёлое. Свиток по-прежнему на месте — оказывается, он всё-таки его не забрал, оставил рядом с мешком, перевязанный той же тёмной лентой.

Так. Хорошо. Раз уж я не сплю, будем считать это профессиональным решением, а не тем, чем оно было на самом деле.

Малахай появляется в половине девятого — не сквозь дверь, потому что двери формально нет, а сквозь пролом, аккуратно пригнувшись, чтобы не зацепить рогами верхнюю доску временной конструкции Тильды. На нём тот же тёмный сюртук с эмберовой окантовкой, что и вчера, только теперь я замечаю деталь, которую вчера упустила в общем шоке: он держится с той особой прямой спиной людей — точнее, демонов, — которые всю ночь не спали, но категорически не собираются в этом признаваться.

— Доброе утро, госпожа Элара, — говорит он. — Вы подумали?

— Я подумала, что вы могли бы для начала спросить, как я спала, прежде чем требовать ответ на вопрос жизни и смерти.

— Как вы спали?

— Плохо. Мне снилось золото.

— Это хороший знак или плохой?

— Понятия не имею. — Я закрываю папку, которую делала вид, что читаю последние десять минут. — Садитесь, ваша светлость. Разговор будет долгий.

Он садится — вернее, аккуратно опускается в кресло для клиентов, то самое, специально неудобное, которое я держу именно для того, чтобы нервные женихи говорили быстрее и честнее. Кресло под ним жалобно скрипит, но держится. Малахай не выглядит так, будто заметил неудобство. Разумеется. Две тысячи лет, рога, крылья — что ему какое-то кресло.

— Прежде чем мы пойдём дальше, — начинаю я, разворачивая перед собой чистый лист, — мне нужно, чтобы вы кое-что поняли. Я работаю по правилам Гильдии, и один из них звучит просто: сваха не берётся за дело, если не уверена, что доведёт его до конца добросовестно. Есть и другой, не менее важный — она не принимает условия, при которых её профессиональное суждение оказывается под давлением угрозы. У вас, простите за прямоту, вчера вечером одним предложением досталось сразу обоим.

— Каким предложением?

— «Если не будет жены — город в труху». Это, ваша светлость, называется давлением.

Он наклоняет голову — жест, который я уже вчера начала мысленно каталогизировать как его версию озадаченности.

— Это не давление. Это факт.

— Разница между фактом и угрозой, Малахай, в том, произносится ли он для того, чтобы предупредить, или для того, чтобы вынудить.

— А если он и то, и другое одновременно?

Ну вот. Приехали, второй раз за два дня.

— Тогда, — говорю я тем голосом, которым обычно успокаиваю тещ на грани нервного срыва, — вы получаете ровно тот эффект, который получили: собеседник в защитной позиции вместо сотrudничества.

— Я не хотел, чтобы вы были в защитной позиции. — Он произносит это с той же ровной серьёзностью, с какой вчера озвучивал список требований к невесте, и от этого фраза звучит не как оправдание, а как честный отчёт о непредвиденном результате эксперимента. — Я хотел, чтобы вы понимали ставки прежде, чем согласитесь. Мне казалось, это уважительно — не скрывать от вас цену ошибки.

— Уважительно было бы спросить сначала, готова ли я вообще услышать про цену ошибки, прежде чем вываливать мне её мешком золота на стол.

Он молчит несколько секунд — не тактическая пауза, а видно, что он взвешивает мои слова, как будто я только что предложила ему решить незнакомое уравнение.

— В следующий раз, — говорит он наконец, — я спрошу сначала.

Просто так. Без сарказма, без попытки красиво вывернуться. Просто соглашается, что был неправ, и записывает себе на будущее, будто я выдала ему методичку, а не отчитала за манеры.

Так. А вот это уже нечестно. Совсем чуть-чуть нечестно — потому что я приготовилась спорить дальше, а мне не с кем.

— Хорошо, — говорю я, беря себя в руки. — Тот самый другой пункт. Я не принимаю заказы, где отказ клиенту равносителен государственной катастрофе. Это ставит меня в положение, где я физически не могу сказать «нет» без того, чтобы не чувствовать себя виноватой в разрушении города. Это манипуляция обстоятельствами, даже если вы её не планировали.

— Я правда не планировал.

— Я вам верю. — И, к своему лёгкому раздражению на саму себя, замечаю, что не кривлю душой. — Но обстоятельства от вашей непреднамеренности легче не становятся.

— Тогда позвольте мне убрать обстоятельства из уравнения. — Он подаётся вперёд, и кресло скрипит громче. — Представьте, что города не существует. Представьте, что я — просто клиент с личным сроком и личным интересом. Вы бы взялись?

Хороший вопрос. Отвратительно хороший вопрос, потому что честного ответа на него у меня, кажется, нет.

— Возможно, — говорю я осторожно.

— Почему «возможно»?

— Потому что вы, ваша светлость, самый странный клиент за десять лет моей практики, и мне ещё нужно понять, работает ли ваша странность на пользу заказу или против него.

Он смотрит на меня внимательно — не оценивающе, а именно внимательно, будто я только что произнесла нечто важное, а не съязвила.

— Это профессиональная оценка или личная?

— Профессиональная. — Слишком быстро. Слишком твёрдо для человека, у которого нет в этом вопросе никакой личной заинтересованности.

Он не спорит. Просто чуть заметно наклоняет голову — жест, который я тоже начинаю подозревать в себе как привычку каталогизировать, — и молчит секунду дольше, чем нужно для простого согласия.

В этот момент из-за импровизированной ширмы доносится звук, безошибочно похожий на человека, который слишком долго стоял на цыпочках и наконец не удержал равновесие.

— Тильда, — говорю я, не оборачиваясь, — либо заходи, либо иди работать. Третьего варианта — стоять там и дышать драматически — не предусмотрено уставом Гильдии.

Доска с грохотом падает. Тильда влетает в кабинет с лицом человека, который весь последний час репетировал спокойный нейтральный вид и полностью провалил репетицию в решающий момент.

— Я не подслушивала, — говорит она, и это самая неубедительная фраза, произнесённая в этом кабинете за последние сутки, что уже серьёзная конкуренция. — Я просто. Проверяла звукоизоляцию. Профессионально.

— У нас нет двери, Тильда. Звукоизоляция — не самая насущная наша проблема.

— Именно поэтому и проверяла! — Она садится на край стола рядом с мешком золота, полностью игнорируя субординацию, зато очень внимательно рассматривая Малахая, будто он редкий экспонат, который наконец выставили на всеобщее обозрение. — Ваша светлость, у вас правда шестнадцать кошек?

— Да, — отвечает Малахай со всей возможной серьёзностью, будто вопрос был частью официальных переговоров. — Хотите список имён?

— ОЧЕНЬ хочу.

— Тильда.

— Что? Это важная информация для составления профиля кандидата! — Она поворачивается ко мне с абсолютно честным выражением лица человека, который свято верит в собственную ложь. — Совместимость с животными — стандартный пункт анкеты Гильдии, мастер Элара. Вы сами меня этому учили.

Она не полностью не права, что раздражает меня больше, чем если бы была полностью не права.

— Список имён кошек мы обсудим позже, — говорю я твёрдо. — Сейчас у нас деловой разговор.

— Конечно-конечно. — Тильда спрыгивает со стола, явно не собираясь никуда уходить, и пристраивается в углу с блокнотом, всем видом изображая секретаря, ведущего протокол, хотя, я готова поспорить, протокол этот будет состоять преимущественно из восклицательных знаков.

Малахай провожает её взглядом с лёгким недоумением — не раздражённым, а скорее тем видом, с каким смотрят на непривычное природное явление.

— Она всегда так? — спрашивает он тихо, будто это конфиденциальная информация, а не происходит прямо у него на глазах.

— Всегда, — подтверждаю я. — Привыкайте.

— Хорошо, — говорит он с той же серьёзностью, с какой принял бы стратегическую сводку. — Учту в дальнейшем планировании визитов.

Тильда за его спиной беззвучно артикулирует «он мне нравится», и я делаю себе мысленную пометку позже высказать ей всё, что думаю о профессиональной дисциплине.

— Возвращаемся к делу, — говорю я, вооружившись пером. — Раз уж вы настаиваете, что готовы убрать угрозу городу из уравнения, объясните мне тогда сам механизм. Почему именно брак? Почему не какой-нибудь другой ритуал, ленточка на трон, торжественная клятва без невесты?

— Закон принят задолго до меня. — Малахай складывает руки — крупные, с когтями, аккуратно подпиленными, я вчера этого не заметила, а сегодня почему-то замечаю, — на колене. — Тёмный Лорд обязан вступить в законный брак до дня своего двухтысячелетия. Не помолвку. Не намерение. Законный, признанный брак.

— Иначе?

— Иначе трон переходит к следующему по линии наследования.

— К брату.

— К Азазелю. — Что-то в том, как он произносит это имя, — не злость, не страх, а какая-то усталая настороженность, — заставляет меня отложить перо и посмотреть на него внимательнее.

— Вы не хотите, чтобы он правил.

— Я не хочу, чтобы кто-то, кроме меня, разбирался с последствиями его правления. — Он говорит это ровно, но пауза перед фразой чуть длиннее обычной. — Это не про власть саму по себе, госпожа Элара. Поверьте, я бы с радостью отдал корону кому угодно, кто справится лучше меня. Дело не в этом.

— А в чём?

Он смотрит на меня долгую секунду, будто решая, сколько правды выдать клиенту, простите, свахе, за один присест.

— Пока рано, — говорит он наконец. — Я скажу вам, когда придёт время. Сейчас вам достаточно знать, что срок реален, и что цена ошибки — тоже реальна, даже если я больше не буду озвучивать её как угрозу.

Не самый удовлетворительный ответ. Но что-то в его лице — прямом, без намёка на лукавство, — говорит мне, что это не уклонение ради манипуляции, а настоящее «пока рано». Что, признаться, необычно освежает после десяти лет клиентов, которые врут мне прямо в лицо про финансовое состояние и предыдущие браки.

— Хорошо, — говорю я. — Пока принимаю это как есть. Но если я узнаю, что «пока рано» превратилось в «навсегда рано», ваша светлость, ярываю контракт немедленно, вне зависимости от последствий для города.

— Справедливо, — говорит он без малейшего возражения. — Записать это как отдельный пункт соглашения?

— Не откажусь.

Тильда из угла издаёт звук, подозрительно похожий на приглушённое умилённое повизгивание. Я смотрю на неё. Она немедленно делает вид, что записывает что-то крайне важное в блокнот.

— Теперь про золото, — говорю я, возвращаясь к столу. — Условия оплаты я вчера слышала. Половина сейчас, половина — по результату. Мне это не нравится.

— Почему?

— Потому что «по результату» подразумевает, что если у меня не получится, вся ответственность за провал государственного масштаба лежит на мне лично, а вторая половина суммы просто испаряется вместе с моей репутацией. Это несправедливые условия, Малахай. При всём уважении к вашему статусу.

Он моргает — медленно, будто эта мысль ему прежде не приходила в голову.

— Вы правы, — говорит он после паузы. — Я не подумал об этом с вашей стороны. Как бы вы предложили условия?

— Разделим на три части. Третью сейчас. Ещё треть — на середине срока, независимо от результата, просто в счёт уже проделанной работы. Остальное — по итогу. Так риск ложится на нас обоих, а не только на меня.

— Согласен.

Вот так просто. Без торга, без попытки выбить более выгодные условия, без единого намёка на то, что я, возможно, только что нагло выторговала себе лишние деньги у существа, которое буквально снесло мне дверь и способно, по всей видимости, оплатить это полгерцогством и не заметить.

— Вы всегда так легко соглашаетесь? — спрашиваю я, не удержавшись.

— Когда собеседник прав — да. — Он смотрит на меня с тем же прямым, обезоруживающим вниманием. — Спорить с правотой ради спора — пустая трата времени, которого у меня и так немного.

Ладно. Это, пожалуй, самая привлекательная черта характера, которую я обнаружила у клиента за всю карьеру, и мне решительно не нравится, с какой скоростью я это признаю.

— Хорошо, — говорю я, беря новый бланк контракта — официальный, с золотым тиснением Гильдии по краю, тот самый, который выдают только для крупных заказов, требующих клятвенного закрепления. — Тогда переходим к формальностям. Это контракт с магической клятвой. Прочтите внимательно, прежде чем я поставлю печать.

Он читает медленно, вчитываясь в каждый пункт, а не просто изображая внимание для галочки. Тильда за его спиной перестала притворяться, что записывает что-то в блокнот, и

теперь откровенно наблюдает за нами обоими с выражением человека на премьере долгожданной пьесы.

— Здесь написано, что вы физически не сможете отказаться от заказа без уважительной причины, не потеряв часть собственного дара, — говорит Малахай, не поднимая глаз от документа. — Вы уверены, что хотите взять на себя такое обязательство ради меня?

Вопрос застаёт меня врасплох — не формулировкой, а тем, что он вообще прозвучал. Ни один клиент за десять лет практики не спрашивал, уверена ли я, что хочу рисковать собственным даром ради его свадьбы. Обычно люди слишком заняты собственной паникой, чтобы задуматься о моей.

— Это стандартная процедура для крупных заказов, — говорю я, и голос звучит чуть менее уверенно, чем мне бы хотелось. — Не только ради вас.

— Но в первую очередь — ради этого заказа. — Он поднимает взгляд, и в его глазах — тёмных, без белков, что должно было бы пугать, а вместо этого почему-то не пугает, — я вижу что-то похожее на настоящую заботу, не имеющую отношения к государственной необходимости. — Я не хочу, чтобы вы теряли что-то важное из-за меня, госпожа Элара. Даже если формально я плачу за это полгерцогством.

Так. Ладно. Вот теперь приехали — уже без всяких скидок.

— Профессиональный риск — часть профессии, — говорю я твёрже, чем чувствую. — Подписываем или нет?

Он смотрит на меня ещё секунду — долгую, изучающую, будто взвешивает, стоит ли настаивать дальше, — и затем берёт перо.

— Подписываем, — говорит он.

Он расписывается первым — размашисто, чётко, с росчерком, в котором угадывается многовековая привычка ставить подпись на документах государственной важности. Затем передвигает бланк ко мне.

Я беру перо. Рука не дрожит — я слежу за этим специально, потому что дрожащая рука перед клиентом непрофессиональна, вне зависимости от того, что творится внутри.

— В момент подписания, — говорю я вслух, скорее для собственного спокойствия, чем для информирования присутствующих, — клятва фиксируется магически. Обратного хода нет, кроме как через выполнение заказа или уважительную причину, признанную Гильдией.

— Понимаю, — говорит Малахай.

Тильда за его спиной затаила дыхание — я слышу тишину там, где секунду назад были нервные шорохи блокнота.

Я ставлю подпись под своей строчкой.

Перо касается последней буквы моего имени, и в тот же миг по бумаге пробегает тонкая золотая нить света — не яркая, не эффектная, просто короткая вспышка, будто кто-то чиркнул спичкой где-то глубоко внутри самого документа. Я чувствую лёгкий укол в правой ладони — точно так же, как чувствую тепло Нити при рукопожатии совместимых пар, только этот укол не тёплый, а острый, короткий, как напоминание: теперь назад дороги нет, кроме как вперёд.

Контракт закрыт.

Я смотрю на собственную ладонь — на ней ничего не видно, ни следа, ни отметины, но ощущение необратимости почему-то куда сильнее, чем если бы там остался шрам.

— Готово, — говорю я, и голос звучит спокойнее, чем я ожидала. — Мастер-сваха Королевской Гильдии Элара официально принимает заказ Тёмного Лорда Малахая на поиск законной невесты в срок до дня его двухтысячелетия.

— Готово, — повторяет он тихо, и что-то в его голосе — облегчение, смешанное с чем-то ещё, чему я пока не могу подобрать названия, — заставляет меня на секунду забыть, что минуту назад я держала перо твёрдой профессиональной рукой.

Тильда за его спиной беззвучно машет руками в жесте, который, насколько я понимаю её жестовый язык, означает нечто среднее между «поздравляю» и «мы обе влипли».

— Итак, — говорю я, убирая контракт в папку и стараясь, чтобы голос звучал деловито, — у нас есть три месяца. У нас есть список из пяти пунктов и шестнадцати кошек. Что дальше, ваша светлость?

Малахай смотрит на меня с тем самым выражением, с которым, подозреваю, он смотрит на любую задачу, поддающуюся методичному решению — сосредоточенно, без тени сомнения в собственных силах.

— Дальше, — говорит он, — вы находите мне жену.

Просто. Буквально. Ни капли иронии в голосе — потому что он, кажется, физически не способен на иронию, — и именно от этой прямоты у меня почему-то холодеет в животе куда сильнее, чем от вчерашней дымящейся ауры.

— Дальше, — повторяю я, вставая, чтобы хоть чем-то занять руки, — я составляю список кандидатов.

Список, который, я уже почти уверена, окажется куда более провальным предприятием, чем кто-либо из нас сейчас готов признать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.